

хозяйство XV и первой половины XVI в.», вышедшая в «Сборнике статей в честь В.О. Ключевского» в 1909 г. В статье подробно, с привлечением нового фактического материала, рассмотрены механизмы функционирования княжеской вотчины. Автор выяснил, что в XV в. наблюдается значительное сокращение несвободного населения и привлечение независимых оброчников. Ученый связывал это с общей децентрализацией княжеского хозяйства, приведшей к необходимости привлечения дополнительной трудовой силы¹. Историк подчеркивал исключительно натуральный характер владений, где на продажу шла только соль. В конце XV в., по наблюдениям Бахрушина, княжеское хозяйство вошло в полосу кризиса, вызванного общим упадком земледелия и задолженностью князей в результате их неумения рационально вести хозяйство на фоне роста товарно-денежных отношений. В результате кризиса произошла очередная мобилизация земель, позволившая московским князьям поглотить удельное княжеское землевладение². Статья молодого историка сразу обозначила его интерес к социально-экономической истории и привлекла внимание в научной среде³.

6. Взаимоотношения Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина

Представители «младшего поколения» Московской исторической школы начинали свою научную карьеру в сложных историографических условиях. На таком фоне происходит объединение выпускников Московского университета разных лет в более или менее сплоченную группу. Знакомство Готье с Яковлевым происходит в Московском университете, где последний начинает преподавать после сдачи магистерских экзаменов. Между ними установились хорошие отношения, и, как уже говорилось, Готье содействовал приглашению Яковлева работать в Румянцевском музее, куда он поступает в качестве заведующего читальным залом 1 мая 1906 г.⁴ В то же время в читальном зале интенсивно по 10 часов в день готовился к сдаче магистерских экзаменов Бахрушин. Именно там он познакомился с Готье и Яковлевым, а общие учителя и интересы быстро сблизили молодых ученых. Яковлев способствовал знакомству

¹ *Бахрушин С.В.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. // Бахрушин С.В. Научные труды: В т. II. М., 1954. С. 40.

² Там же. С. 44.

³ *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время... С. 36.

⁴ *Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1906 г. М., 1907.* С. 10, 112.

Бахрушина с Веселовским. Таким образом, сформировался неформальный круг общения молодых московских историков. Взаимоотношения между ними не всегда были безоблачными. Так, долгое время протекал скрытый конфликт между Готье и Веселовским после критической рецензии последнего на книгу «Замосковский край в XVII веке». Тем не менее отношения сложились очень тесные и большей частью дружеские. Связующим звеном этого круга был Яковлев, отличавшийся умением ладить с людьми разных характеров.

Так, в своих письмах Бахрушин обращался к Яковлеву, как правило, на «ты»¹. В своих воспоминаниях начала 1930-х гг. Бахрушин впоследствии давал следующую характеристику Яковлеву: «Его тонкая мысль, его глубокая и разносторонняя эрудиция, художественная яркость речи, смелость и оригинальность суждений не могли не очаровать юношу, до тех пор знавшего лишь официальную книжную историографию и не имевшего случая сталкиваться с живым обсуждением научных вопросов, а исключительные душевные качества этого талантливой ученого не могли не привлечь моего сердца. Так завязалась та близкая и дружеская связь, которая протянулась более четверти века до настоящего момента, никогда не слабея, и дала мне, кроме радостей общения с выдающимся по уму и сердцу человеком, неизмеримо много глубоких и сильных научных впечатлений. Я думаю, что из всех моих друзей А.И. Яковлев оказал на меня наиболее действенное влияние. В первые моменты я всецело подчинился чарующему обаянию его личности, упивался его речью, ловил каждое его слово, впитывал в себя каждое его суждение, ошеломленный полетом, новизной и дерзновением его научной фантазии, обвороженный изяществом и тонкостью его блестящей мысли. Я искал его общества, как прозелит жаждет слова своего пророка, я забывался в бесконечных беседах с ним, и он шел навстречу мне со своей изящной приветливостью, со своей милой и обаятельной улыбкой. „Вы точно влюбленные“, — сказал раз один из наших ученых знакомых, застав нас вдвоем. Если я вообще могу назвать себя чьим-либо учеником, то с наибольшим правом я бы присвоил себе честь считаться учеником именно Алексея Ивановича. Впоследствии мы во многом расходились: и в научных вопросах, и в политических убеждениях, и в вопросах житейских»².

Бахрушин и Яковлев сильно отличались характерами: «Но главное, что нас разделяло, была разница темперамента: горячий, отдававшийся с головой чувству, страстный в симпатиях и антипатиях, А.И. Яковлев

¹ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр.

² Бахрушин С.В. Из воспоминаний / Публ. А.М. Дубровского // Проблемы социальной истории Европы: От античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 148.

раздражался часто моим индифферентизмом во многих вопросах, волновавших его пылкую душу, прямолинейный до несдержанности, он не мог примириться с моей податливостью на компромисс. Но обоюдное чувство прочной дружбы и доверия осталось, и, хочется верить, останется до конца наших дней, не изменилось с его стороны трогательная, почти нежная внимательность старшего к младшему, а с моей, восторженное преклонение перед силой его таланта; и эта взаимная связь личной и научной дружбы скрепилась еще теснее не только общностью научных интересов, не умиравших, а наоборот, возраставших с годами, но и дружескими отношениями, сложившимися между мною и его семьей...»¹.

В данном отрывке важно подчеркнуть, что близость двух ученых базировалась не только на личной симпатии, но и на общности научных интересов, а это важная коммуникационная характеристика научной школы.

Не меньший интерес представляет и бахрушинская характеристика Веселовского. С ним у Бахрушина установились не такие тесные отношения, как с Яковлевым, да и к некоторым работам Веселовского Бахрушин относился несколько скептически. Он признавал за ним большую эрудицию и знание архивного материала, способность к тонкому источниковедческому анализу, но многие черты его исследовательского почерка Бахрушина не устраивали. «Здесь я впервые познакомился с С.Б. Веселовским, о котором я так много слышал до тех пор от А.И. Яковлева и Ю.В. Готье, и мог лично оценить этого „русского Моммсена“, как его шутливо любил называть Ю.В. Готье, сочетавшего в себе противоположные свойства крупного ученого и капризного ребенка, европейски образованного *homme de lettres* и подьячего московского приказа, в котором своеобразно сплетались широкое и всестороннее знание печатных и архивных источников с большой узостью исторической мысли, и мелкое тщеславие и эгоизм с радушной готовностью прийти всегда на помощь начинающим неопитам. Сибарит и неутомимый труженик, он всю жизнь посвятил кропотливой исследовательской работе. Никто, как он, не знал русских архивов; его собрание копий с архивных документов не имело себе равного. И свои знания, и свои коллекции он одинаково охотно, с искренним удовольствием, открывал и друзьям, и случайным знакомым, и молодежи; но его советы в области научных вопросов были часто пагубны, а темы, рекомендуемые им, отличались необыкновенной бесплодностью и бессодержательностью. Самого его обилие материалов захлестывало, топило; крупные вещи, как его „Сошное письмо“, были неудобочитаемы вследствие отсутствия стройности изложения, неумения широко ставить вопрос и обилия деталей технического характера; зато в небольших очерках вроде „Семь сборов запросных денег“ он был

¹ Там же. С. 149.

настоящий мастер. Молодежи он импонировал своими знаниями и безапелляционностью определений; среди старшего поколения его недолюбливали за самоуверенность и резкость в критических отзывах. Его слабой стороной было отсутствие исторической школы: он был юрист по образованию, юристом остался и в своих исторических трудах, и никогда не мог справиться с более широкими историческими проблемами, изучая исторические явления исключительно с юридической точки зрения, и был совершенно неспособен к постановке социальных вопросов. Эти недостатки особенно ярко отражались на его капитальном труде „Сошное письмо“... Излагая до последней мелочи всю технику сошного письма и возведя до степени вопросов первейшей важности все связанные с этой стороной дела разногласия, он совершенно не интересуется социальным смыслом „сошного письма“ и теми социально-экономическими условиями, которые его создали, пропуская мимо себя в своем грандиозном 2-х томном труде эту наиболее существенную сторону вопроса, которую затем так блестяще в несколько штрихов разрешил А. И. Яковлев в своей диссертации о „Приказе сбора ратных людей“; кстати сказать, С. Б. Веселовский так никогда и не понял, в чем суть тех полуупреков, которые долетали до него, как и не понял ценности немногих страниц в книге Яковлева, посвященных вопросу, который, по мнению его, он исчерпал до конца»¹. Тем не менее именно Веселовский ввел Бахрушина в круги московских и петербургских историков и показал ему архивные фонды по истории Сибири, темы, ставшей главной для Бахрушина после революции.

Кстати сказать, открыто свое неодобрение указанных им выше черт работ Веселовского Бахрушин никогда не высказывал. Наоборот, он всячески, наравне с Яковлевым, оказывал свою поддержку часто хандрившему Веселовскому. Так, в дневнике последнего можно найти следующую запись: «Оба готовы оберегать меня от всего и относятся ко мне так тепло и душевно, что в тяжелые минуты это меня поддерживает»². По утверждению Веселовского, во время его болезни Бахрушин не отходил от него ни на шаг³. Веселовский руководил первыми опытами молодого историка в архивной работе. Наиболее доверительные отношения у Веселовского сложились с Яковлевым, о чем свидетельствует их переписка и вся дальнейшая биография⁴. По поводу же Бахрушина он писал:

¹ Там же. С. 150–151.

² *Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 100.*

³ Там же. С. 112.

⁴ *Дубровский А.М. Ученый и его наука в письмах // Переписка С.Б. Веселовского... С. 18.*

«С.В. [Бахрушин] для меня загадка»¹. С большой симпатией относился к Бахрушину Готье, уже в беспокойные годы революций 1917 г. он писал: «Бахрушин мне нравится все больше: это очень тонкий, умный и талантливый человек, которому предстоит большое будущее»².

Таким образом, между историками сложились достаточно тесные отношения, обусловленные не только возрастной близостью, но и интересом к общей тематике, близостью подходов к изучению истории. Личностная взаимосвязь способствовала взаимовлиянию трудов Готье, Веселовского, Яковлева и Бахрушина. Их темы и подходы к историческим проблемам не только совпадали, но и взаимообуславливались.

Подводя итоги анализа первых шагов представителей младшего поколения московских историков, можно смело отметить, что важной чертой формирования этой научной генерации является то, что их учителями были не только В.О. Ключевский и П.Г. Виноградов, но и более старшие коллеги, среди которых П.Н. Милюков, М.К. Любавский и Н.А. Рожков. Они не только прививали своим ученикам идеи Ключевского, но и вкладывали собственные теории. Таким образом, научным фундаментом, на котором выросло младшее поколение, было не только наследие великого Ключевского, но и новаторские и оригинальные идеи его старших учеников.

Студенческие работы Готье, Веселовского, Яковлева и Бахрушина были написаны под сильным влиянием трудов их учителей, но уже в них можно отметить стремление к самостоятельной постановке и решению многих исторических проблем.

¹ *Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 97.*

² *Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 281.*